

Попріще пророческаго служенія Даніила.

Служеніе св. Пророка Даніила простирается чрезъ все продолженіе Вавилонскаго плѣна; въ его книгѣ есть откровенія, данныя ему съ одной стороны еще въ первыхъ годахъ царствованія Навуходоносора, а съ другой уже на третьемъ году владычества Кирова. Обстоятельства этого времени весьма важны въ исторіи не только Евреевъ, но и всего рода человѣческаго. Это было не просто эпоха очистительнаго наказанія Іудеевъ плѣномъ, но такое многознаменательное время, когда Ветхо-Завѣтная церковь была потрясена во всемъ составѣ своемъ и на время водворилась плѣнницею среди чуждаго ея міра *языческаго*. Слѣдовательно нужно обратить вниманіе на современное Пророку состояніе всего рода человѣческаго.

Въ духѣ язычниковъ того времени замѣчается еще не только направленіе вообще религіозное, только язычески-превратное, но и довольно живая внимательность и чуткость къ Божественному. Такъ, даже послѣ вѣка Даніилова, когда Мардохей, вопреки злоумышленій и надеждъ Амана, былъ почтенъ отъ царя чрезвычайной почестью, то въ этомъ друзья и жена Амановы уже примѣтили десницу

Бога живаго, готовую поразить этого честолюбца, и возвысить Мардохея: *началь еси, говорили они ему, смирятися предъ нимъ, падая падеши, и невозможши ему отмстити, яко Богъ живой есть съ нимъ* (Есѣ. VI; 13). Такъ, о Даниилъ, возвѣщавшемъ недовѣдомыя тайны, Навуходносоръ и другіе язычники говорили, что въ немъ «Духъ святыхъ Боговъ» (IV, 15. V, 11. 14). Но язычество уже до того внутренно видоизмѣнилось, что въ языческихъ вѣрованіяхъ открывался иногда, вмѣсто увлеченія прежнихъ временъ или даже вмѣсто естественной силы навыка и авторитета преданія, одинъ чистый произволь. Такъ, Навуходносоръ воздвигаетъ огромную статую и требуетъ ей поклоненія отъ всѣхъ подданныхъ, подъ опасеніемъ грозной казни за противленіе его деспотическому произволу. Или же религіозно-языческіе уставы доходили до очевиднаго и поразительнаго противорѣчія здравому смыслу, такъ что уже не могло быть никакого мѣста искреннему вѣрованію въ подобныя постановленія безумія. Такъ, Дарій Мидійскій издаетъ указъ о поклоненіи и моленіяхъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, только ему одному и самъ же такъ связывается этимъ указомъ, что вопреки ему не можетъ, при всемъ желаніи своемъ, освободить отъ казни невиннаго: самоназванный Богъ, и притомъ предвосхитившій на время чествованіе отъ всѣхъ другихъ боговъ, напрасно спорить съ вельможами своими за Даниила и невольно выдаетъ его ненавистникамъ, внутренно мучится, ночь не спитъ въ безпокой-

ствѣ за Пророка, будучи не въ силахъ спасти его... Нелѣпость язычества здѣсь уже не прикрыта никакою лучиною или обольстительнымъ призракомъ, и слѣдовательно язычество уже доходило до такой безжизненности, что не давало и ложнаго удовлетворенія религіознымъ потребностямъ человѣка. Близко было время распаденія язычества (*). Неудовлетворенный и неуспокоиваемый въ самыхъ существенныхъ потребностяхъ своихъ, духъ человѣческой естественно долженъ былъ въ мірѣ языческомъ предаваться или закоснѣнню духовному, или же тяжелымъ недоумѣніямъ.

Внѣшнія судьбы и перевороты языческаго міра тѣмъ болѣе располагали къ недоумѣннымъ размышленіямъ. Еще недавно, по праву силы и насилія, Ассиріане преобладали надъ народами; по тому же праву, преобладаніе ихъ подавилъ и на мѣсто его распростеръ свой деспотизмъ надъ міромъ — царь Вавилонскій; этотъ послѣдній, въ свою очередь, при Давилѣ же долженъ былъ уступить деспотическое преобладаніе надъ міромъ Персидскому завоевателю. Судьбами царствъ и народовъ распоряжались и помыкали сила человеческая и произволь имѣющихъ силу. И такъ, что же послѣ этого міръ сей? Что значить вся судьба и жизнь

(*) Такъ было на Востоку. Этійское язычество еще имѣло силу очарованія для обольщаемыхъ имъ, но, чуждый духу восточнаго благоговѣнія въ вѣрованіяхъ, эллицизмъ едва ли не глубже, чѣмъ восточное язычество, былъ подкопанъ въ своихъ религіозныхъ основаніяхъ.

человѣческая? Какой смыслъ и послѣдствія всего бывающаго въ мірѣ? Эти вопросы должны были, и въ самомъ язычествѣ, невольно занимать и волновать, по крайней мѣрѣ, высокія души. Такъ, именно великій завоеватель Вавилонскій предавался недоумѣніямъ и размышленіямъ о томъ: что же будетъ за всѣмъ этимъ? Къ чему идетъ или ведется настоящій порядокъ вещей? *Помышленія твоя на ложи твоимъ взыдоша*, говорилъ ему Даниилъ, *чесому подобаетъ быти по сихъ* (*) (Дан. 11, 29). И такъ языки, по крайней мѣрѣ въ лицѣ высшихъ своихъ представителей, начали съ тоскою ощущать свое удаленіе отъ истины и недоумѣвать о своей судьбѣ.

Въ такомъ состояніи язычниковъ, — если они въ самомъ дѣлѣ не были оставляемы рѣшительно на произволь случая и свой собственный, а напротивъ были готовимы Промысломъ къ лучшему, — благовременно и потребно было съ силою напомнить имъ объ истинномъ Божествѣ, о владычествующей всѣми царствами и царями небесной Державѣ, возвѣстить объ опредѣленномъ и грядущемъ спасеніи всего міра.

Что касается до Іудеевъ, — они тогда были подъ великимъ гнѣвомъ Божиимъ, были внѣ земли обѣтованной, безъ храма и жертвъ, подъ игомъ ино-

(*) Что этотъ вопросъ: *чесому подобаетъ быти по сихъ*, не должно понимать въ смыслъ одного празднаго любопытства о будущемъ, это очевидно изъ того, что отвѣтомъ на этомъ вопросъ было великое Божественное откровеніе, данное Навуходносору.

племенной власти. Это должно было возбудить Иудеевъ отъ духовнаго усыпленія, котораго до толѣ ничто не могло разогнать. И какъ отъятіе дорогаго, но злоупотребляемаго или пренебрегаемаго, предмета обыкновенно заставляеть уже съ любовію стремиться къ нему и жалѣть о немъ: такъ разрушеніе сѣсновнаго устройства церковнаго, затемненнаго собственнымъ его ветшаніемъ и пороками избраннаго народа, могло болѣе или менѣе оживить для вѣры спасительное значеніе этой законной сѣсни. Дѣйствительно, извѣстная пѣснь плѣнниковъ Вавилона: *на рыкахъ Вавилонскихъ тамо стдохомъ и плакахомъ, внигда помянути намъ Сіона*, — прекрасно выражаетъ мысль объ Іерусалимѣ, какъ живо еще представляющемъ собою, для вѣры, небесную отчизну. Но возбужденной вѣрѣ въ обѣтованную благодать, предъявляемую въ ея образныхъ видахъ и проявленіяхъ, сейчасъ же потребны соотвѣтственная пища и опорѣ; между тѣмъ сѣсновное устройство церковное представляло пока однѣ почти развалины. Посему требовалось, чтобы избранному народу, и въ плѣну его, видна была непоколебимая держава Всевышняго Царя Израилева, и чтобы, въ замѣнъ отъятыхъ у Иудеевъ залоговъ грядущей благодати, было предложено вѣрѣ новое удостовѣреніе въ непреложности обѣтованій благодати.

Правда, еще и прежде, при затемнѣніи значенія образовъ ветхо-завѣтныхъ, были даны церкви (особенно чрезъ Исаію) многія почти Евангельскія откровенія о разныхъ тайнахъ и событіяхъ Христова пришествія и царства. Но надобно сказать, что у

прежнихъ пророковъ торжество грядущаго Христа, имѣвшее открыться образно въ избавленіи Іудеевъ отъ Вавилонскаго плѣна, и будущее явленіе лично Его самаго представляются на одной общей картинѣ и нерѣдко черты того и другаго сливаются въ одинъ образъ (Почему это было, мы ужъ (*) знаемъ). Теперь, если, по Апостолу, и сами святые пророки въ точности не знали, а только испытывали, на которое и какое время указывали въ нихъ Духъ Святой, глаголавшій о Христовыхъ тайнахъ (I Петр. 1, II): то тѣмъ болѣе для прочихъ членовъ церкви было недовѣдомо, вмѣстѣ ли съ избавленіемъ ихъ отъ Вавилонскаго плѣна или еще когда либо въ дальнѣйшихъ за тѣмъ временахъ—вполнѣ откроется пришествіе Христова и вообще обѣтованная Христова благодать. Должно сказать еще болѣе:—Соединеніе у пророковъ предсказаній объ избавленіи Іудеевъ отъ плѣна силою Христовою и о явленіи самаго Христа естественно располагало къ ожиданіямъ явленія обѣтованнаго Христова царства, именно, вмѣстѣ съ концемъ плѣна. Но вотъ этотъ плѣнъ, во время Даніила же, оканчивался; между тѣмъ, съ самымъ возвращеніемъ Іудеевъ изъ плѣна, не только не являлась обѣтованная благодать, но даже и самое сѣновное ееократическое устройство, въ своемъ возстановленіи послѣ бѣдствій плѣна, было много бѣднѣе и блѣднѣе прежняго. Одна за другой слѣдовали, почти всемірныя по тому времени, монархіи, и Израилю

(*) См. статью „Пророкъ Ісаія.“

не возможно было имѣть даже гражданской независимости. Избранный народъ, наследникъ всемирныхъ обѣтованій, долженъ былъ раздѣлять общую участь современныхъ народовъ и царствъ, — быть предметомъ насилия и деспотическаго произвола преобладателей, и по своей внѣшней ничтожности онъ даже менѣе, нежели иной народъ, могъ надѣяться когда нибудь совершенной самостоятельности. Слѣдовательно, прежнія столь обильныя и свѣтлыя пророчества о временахъ благодати, не довольно раздѣленные у пророковъ отъ предсказаній о концѣ Вавилонскаго плѣна, не только не облегчали тогдашняго великаго испытанія для вѣры, но ставали ее еще въ болѣе трудный и тяжкій подвигъ. Это было нѣчто подобное тому, если бы сиротѣ зывающему къ матери указано было известное мѣсто съ намекомъ на радостное явленіе здѣсь матери, и однако на этомъ мѣстѣ только еще яснѣе оказалось бы бѣдное его сиротское одиночество... не увеличилась ли бы тягость его сиротства чрезъ самыя прежнія обнадеживанія въ свиданіи съ матерью? Что и Ветхозавѣтная вѣра была въ подобномъ тягостномъ положеніи со временъ уже Кира — освободителя Іудеевъ, ясное доказательство тому есть въ книгѣ самаго Даниила. Самъ Пророкъ, бывший конечно лучшимъ или первымъ изъ вѣрующихъ того времени; вотъ что говоритъ о себѣ: *въ тья дни*, именно уже въ третій годъ Кира, когда, слѣдовательно, Іудеи были уже возвращены въ свою землю съ покровительствомъ имъ царя Персидскаго, и притомъ во дни, назначенные закономъ для тор-

жества пасхальнаго (первыя недѣли перваго мѣсяца), *въ тыя дни азъ Даниль бѣхъ рыдая три седмицы дней, хлѣба воздѣльнаго не ядохъ, и мясо и вино не вниде во уста моя, и мастію не помазахся до исполненія трехъ седмицъ* (10, 2. 3). Такъ-то, въ такомъ-то расположеніи духа, былъ Пророкъ при концѣ плѣна, предрекая который прежніе пророки только предавались восторгу, восхпщаясь къ созерцанію самой Христовой благодати! вмѣсто предреченнаго явленія свѣтопоснаго ея лица съ окончаніемъ плѣна, Даниль мысленно видѣлъ свой народъ—этотъ сонмъ избранныхъ, по обѣтованію, чадъ Божіихъ, состоящимъ подъ зависимостію отъ Боговраждебнаго языческаго міра, немѣющимъ достаточной силы и безопасности возстановить Святый градъ и храмъ, озлобляемымъ на своемъ священномъ наслѣдіи—въ землѣ обѣтованной отъ недостойныхъ пришельцевъ Самаріи. Самый праздникъ пасхи, напоминая еще древнее славное избавленіе отъ Египетскаго плѣна, только усиливала въ Пророкѣ скорбное чувство настоящаго жалкаго и стѣсненнаго положенія избраннаго народа, какое продолжалось и по возвращеніи изъ Вавилонскаго плѣна, —хотя прежніе пророки, напримѣръ Исаія, провидя окончаніе этого плѣна чрезъ Кира, съ восторгомъ указывали притомъ и на открытіе въ Израиль благодатнаго Царства Божія. Удивительно ли, что Даниль, вмѣсто радости пасхальнаго праздника, —*въ тыя дни бѣ рыдая три седмицы дней и не вкушалъ хлѣба воздѣльнаго и проч?*

Въ такихъ мракахъ вѣры крайне потребенъ былъ для церкви свѣтъ новыхъ откровеній о грядущей благодати. Именно требовалось для вѣры, чтобы обѣтованная область благодати и спасенія была по яснѣе прежняго разграничена отъ обстоятельствъ Ветхо-Завѣтной гражданской еократіи: такъ какъ, собственно отъ недостатка такого разграниченія, у прежнихъ пророковъ, и происходило теперь особое затрудненіе для вѣры. Потребно было дать церкви опредѣленное и обстоятельное путеводство на все время упадка древле процвѣтавшей еократіи: иначе же при упадкѣ или униженіи сѣноваго еократическаго порядка вещей, когда притомъ прежнія пророчества о грядущемъ Христовомъ Царствѣ могли казаться относящимися къ этому самому времени послѣ плѣна Вавилонскаго, — Ветхо-Завѣтная вѣра необходимо оставалась бы безъ твердой опоры и на самыхъ темныхъ распутіяхъ.

Наконецъ вообще состояніе тогдашняго человѣка было таково, что во 1-хъ, человѣкъ уже не успокоивался на одномъ непосредственномъ познаніи предметовъ и на преданіи, но начинала уже въ немъ пробуждаться потребность дознавать предметы отчетливою мыслию, рождались вопросы любопытательные. Доказательствомъ тому — служить не только духовное любовѣдѣніе, видное въ Даниилѣ, но и то, что даже Навуходносоръ задавалъ себѣ вопросы о дѣлахъ и судьбахъ міра. Это требовало такого Божественнаго руководства, которое отчасти и было бы преподаваемо по вопросамъ самаго человѣка, отчасти давало бы ему самому вы-

водить изъ своихъ внушеній должны и нужные результаты или примѣненія. Такому предназначенію духовной самодѣятельности въ спасаемомъ человѣкѣ естественно было обозначаться, предъ окончаніемъ Ветхо-Завѣтнаго воспитанія этого человѣка, какое было дано ему подъ непосредственнымъ руководствомъ Божиимъ. Во 2-хъ, человѣкъ еще и въ естественномъ состояніи не вовсе лишился способности и пріемлемости къ начавшимся въ Эдемѣ и по паденіи отчасти продолжавшимся нагляднымъ, доступнымъ для чувствъ, явленіямъ изъ міра горняго: доказательство тому представляютъ Божественныя откровенія и явленія, бывшія по свидѣтельству Даниловой книги и язычникамъ. Впрочемъ, земнородное естество, нѣкогда свѣтло отражавшее Божественныя и духовныя предметы, теперь является уже столь далекимъ отъ этихъ послѣднихъ, что и великій Пророкъ при явленіяхъ изъ духовнаго міра трепеталъ до крайняго изнеможенія, продолжавшагося иногда *на дни многи* (8, 27). Такое состояніе человѣка дѣлало возможнымъ и привлекало къ спасаемому человѣку Божественное руководство—правда, еще на Ветхо-Завѣтныхъ началахъ, но уже одно изъ послѣднихъ и заключительныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, — такое руководство, которое точнѣе опредѣляло бы отношеніе къ земному небеснаго и духовнаго.

И такъ великому Пророку Данилу, по его времени, подлежало вообще такое великое пророческое поприще. Относительно міра языческаго, ему подлежало быть созерцателемъ и истолкователемъ,

или самымъ органомъ небеснаго напоминанія язычникамъ объ истинномъ Богѣ и Владыкѣ всего міра и о грядущемъ всемірномъ Царствѣ Его благодати. Для плѣннаго же Божія народа онъ долженъ былъ явиться непоколебимымъ ничѣмъ орудіемъ и провозвѣстникомъ Державы Всевышняго Царя Израилева, благовѣстникомъ непреложнаго спасенія, неограничиваемаго предѣлами и условіями сего міра и сей жизни, путеводителемъ ихъ чрезъ свои пророчества на все примрачное время упадка древней еократіи. И притомъ его назначеніе было такое, чтобы быть однимъ уже изъ послѣднихъ служителей Вѣтхо-Завѣтнаго воспитанія человѣчества, — такимъ, который предназначалъ бы уже духовное разумѣніе, свойственное Ново-Завѣтнымъ временамъ, и яснѣе открывалъ бы значеніе для земли небеснаго и благодатнаго.

—

Особенныя духовныя свойства Даниїла и внѣшнія обстоятельства его жизни.

Даниїль, по своимъ личнымъ достоинствамъ и по своимъ положенію и обстоятельствамъ въ жизни, совершенно соотвѣтствовалъ своему высокому и многостороннему пророческому назначенію.